

РИКО САКУРАИ

ЖРЫЛЬЯ
БАБОЧКИ

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С15

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© MaxNadya, okolostyle, Keya / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM
© MaxNadya / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Художественное оформление Александра Андреева

Иллюстрация на обложке *Kiwagata*

Сакураи, Рико.

C15 Крылья бабочки / Рико Сакураи. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215699-1

Юная Мурасаки Сикибу отправляется во дворец императора, чтобы стать фрейлиной.

Она погружается в водоворот дворцовых страстей и интриг. Познает радость первой любви. Чувствует горечь первого предательства. А еще пишет прекрасные истории, которые увековечат ее имя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

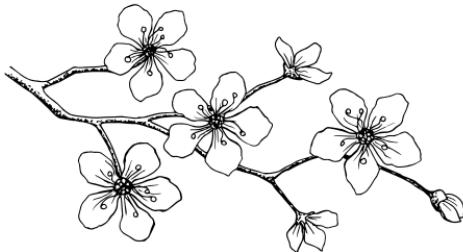
ISBN 978-5-04-215699-1

© Рико Сакураи, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ОТ АВТОРА

В этом романе я вольно трактовала исторические события, годы жизни исторических персон, их положение в обществе и их родственные связи. Описание императорской резиденции Хэйан, различных поместий, храмов и дворцов, в частности дворца Цумикадо, лишь частично имеет историческую основу.

ГЛАВА 1

Крылья бабочки

*Конец X века, поместье Фудзивара
в окрестностях Хэйан (Киото)*

Мурасаки все утро пребывала в своем убежище, расположенном на окраине сада, в старом заброшенном павильоне. Плотная рисовая бумага, которой были обклеены перегородки строения, во многих местах успела порваться от времени, но еще хранила следы некогда изящной росписи.

Девочка давно знала о существовании этого павильона. Отец много раз собирался то перестроить его, то обновить, однако все не хватало времени, а подчас и желания, ведь с тех пор, как умерла мать Мурасаки, отец на многое махнул рукой. Так и получилось, что о строении, затерявшемся в зарослях сада, постепенно забыли.

После смерти матери, а это случилось почти два года назад, Мурасаки постоянно искала уединения. В один из дней, гуляя в саду и исследуя самые от-

РИКО САКУРАИ

даленные его части, она набрела на заброшенный павильон, тут же решив втайне ото всех сделать его своим убежищем. Девочка стащила из дома пару татами, крохотный столик, тушечницу, кисть и ворох старых, никому не нужных бумаг, еще не исписанных с обратной стороны. С помощью всего этого и обустроила тайный кабинет.

Мурасаки любила убегать сюда утром и проводить здесь время вплоть до занятий с учителем Ною, который обучал ее и брата различным столичным наукам. Девочке нравилось заниматься, особенно писать китайским письмом. Иероглифы давались ей легко, в отличие от ее старшего брата Нобунори, поэтому, снова оказываясь в убежище, прилежная ученица использовала полученные знания: вела дневник, поверяя ему свои девичьи тайны.

Началось это сразу после смерти матери. Сперва Мурасаки писала ей письма, жаловалась на учителя Ною, брата... А затем, когда со дня похорон минул год, она доверяла дневнику свои соображения по поводу многочисленных претенденток на ложе отца, Фудзивара Тамэтоки. Отец ведь был завидным мужчиной, но он не искал плотских утех, а тосковал по умершей жене.

Позже Мурасаки стала сочинять коротенькие истории и пыталась записывать их китайской каллиграфией. Девочка как раз переносила на бумагу одну из сказок, когда в саду раздался настойчивый зов учителя Ною:

— Госпожа Мурасаки, время занятий! Где же вы?

КРЫЛЬЯ БАБОЧКИ

Девочка вздохнула: закончить историю не удалось.

— Ладно, допишу позже... — решила она и выскользнула из павильона.

Фудзивара Тамэточи неспешно прогуливался по своему саду. Пышные кроны деревьев отбрасывали густую тень на извилистую дорожку, выложенную желтым камнем, добытым недалеко от столицы.

Будучи хозяином крупного поместья, Тамэточи считался в императорской столице влиятельным аристократом. В этом году ему исполнилось тридцать пять лет, и он после смерти жены стяжал славу завидного жениха. В последнее время в его владение зачастили отцы благородных семейств, намереваясь выгодно устроить судьбу своих юных дочерей. Их вовсе не смущало, что у вдовца имелись дети: сын Нобунори и дочь Мурасаки, к которым он особенно благоволил.

...Мимо отца промчалась Мурасаки — полы ее кимоно из тончайшего шелка нежно-розового цвета разевались, словно крылья бабочки. Девочка спешила укрыться в своем убежище и дописать незаконченную историю.

Тамэточи улыбнулся: он любил своих детей, особенно дочь, ведь девочка так напоминала ему безвременно ушедшую жену.

— Госпожа Мурасаки! — послышался строгий голос.

РИКО САКУРАИ

Тамэтоки невольно оглянулся. По дорожке спешно двигался учитель Ною, обучавший его детей каллиграфии, истории, чтению и рисунку.

Хозяин нескованно уважал этого пожилого наставника, поэтому-то и доверил образование своих детей. Сам же Тамэтоки хоть и служил долгое время в имперском департаменте наук, однако самолично заниматься не решился: не хватало должного терпения. После смерти жены он всё больше замыкался в себе, тосковал по супруге и втайне ото всех писал стихи, а иногда тихо декламировал чужие, казавшиеся особенно точными:

*Опали листья алые у клена,
И с веткой яшмовой передо мной гонец,
Взглянул я на него —
И снова вспомнил
Те дни, когда я был еще с тобой!¹*

Достопочтенный Ною, обласканный хозяином, когда-то пользовался популярностью в столичном Хэйане. В его просторный дом, расположенный на Четвертой линии — на которой селились лишь те, кто сумел чего-то добиться в жизни, — стекалось множество юношей из зажиточных семейств. Все эти юноши жаждали знаний, и Ною давал уроки за умеренную плату. В особенности он снискал славу искусного каллиграфа. Многие чиновники высших рангов нанимали Ною, дабы их дочери постигали пусть не каллиграфию, — навыком которой должен

¹ Какиномото-но Хитомаро, перевод А. Глускиной.

КРЫЛЬЯ БАБОЧКИ

владеть знатный мужчина, желающий слыть образованным человеком и слагать стихи, — но слого-вое письмо, которое часто использовали женщины.

Тамэтоки, как ученый муж, не мог согласиться с царившим общественным мнением, что девочкам доступно лишь слогоное письмо, поэтому решил, что Мурасаки должна обучаться наравне со старшим сыном Нобунори.

Ною, тяжело дыша, поравнялся с хозяином.

— Простите меня, господин... — бегло произнес он и устремился вслед за упорхнувшей «бабочкой».

Тамэтоки улыбнулся. И подумал: «Опять Мурасаки справилась с заданием лучше и раньше брата — вот и упорхнула». Отец решил, что непременно сделает дочери замечание о том, что успехи в учении не дают права сбегать с уроков, но, как это было уже не раз, сердце отца таяло при виде дочери, и он лишь с укоризной в голосе произносил:

— Страйся быть прилежной, Мурасаки...

На это дочь дерзко отвечала:

— Я выполняю все упражнения, что задает мне учитель Ною. Однако они слишком просты и коротки. Мне скучно смотреть, как Нобунори корпит над листом бумаги и даже язык высовывает, когда выводит кисточкой иероглифы. Брату не все удается...

Тамэтоки в такие минуты диву давался: дочь была меткой в выражениях, имела на все свое мнение и не боялась его высказывать. Конечно, отец семейства знал, что подобное поведение отнюдь не подходит для дочери сановника, хоть и пребывав-

шего ныне в отставке, но приструнить Мурасаки не спешил.

«Пусть девочка развится... — рассуждал он. — Ведь через пару лет ей предстоит выйти замуж, а при моем нынешнем положении Мурасаки не станет старшей женой».

Тамэтохи от подобных мыслей охватывала печаль. Он снова вспоминал супругу, подарившую ему Нобунори и Мурасаки. Саюри, так ее звали, была старшей и любимой женой Тамэтохи, а значит, как и положено по статусу, постоянно делила ложе с мужем и жила в его поместье. Недалеко от владений располагалась семейная усыпальница, принадлежавшая северной ветви Фудзивара, — там Саюри и обрела свой вечный покой.

Помимо Саюри, старшей жены, Тамэтохи имел еще двух жен, которые жили в своих домах в столичном Хэйане, а сановник время от времени наведывался туда. От других браков у Тамэтохи также были дети — два мальчика и девочка, — но отчего-то отец не питал к этим отпрыскам ни любви, ни привязанности, хотя от отцовства не отказывался и иногда уделял им внимание. Воспитанием и образованием подрастающего поколения, согласно обычаям, занимались сами жены и их родители. Тамэтохи предпочитал ни во что не вмешиваться, а в последнее время и вовсе забыл об этих семьях.

После смерти Саюри он пребывал в страшной тоске и потому не навещал их. Опять же, согласно традиции, жены, покинутые и забытые своим супругом, не могли сами отправиться к нему в дом,

КРЫЛЬЯ БАБОЧКИ

чтобы напомнить о своем существовании. Их уделом было терпение. Они могли лишь присыпать Тамэточи письма, преисполненные любви и надежды. Сначала он отвечал на послания, а затем, сочтя их скучными и однообразными, вовсе перестал уделять им внимание. Выждав некоторое время, семьи женщин, согласно закону, объявили о том, что брак их дочерей недействителен, так как муж не исполняет своих супружеских обязанностей, но Тамэточи решению отнюдь не опечалился.

— Госпожа Мурасаки! — снова донеслось из глубин сада. Это кричал Ною. — Где же вы?

Вглядываясь в гущу деревьев, отец заметил нежно-розовое кимоно дочери.

— Проказница... — шепотом произнес он и тихо засмеялся. — Нелегко приходится Ною. Слава великим богам, что я поручил образование детей именно ему, а не рискнул заняться этим самолично...

Ною тем временем догнал беглянку и, схватив ее за руку, повел обратно в комнату для уроков. Девочка не сопротивлялась и покорно шла, слушала учителя, который выговаривал ей за побег.

— Ваш отец будет недоволен! — произнес Ною, кивая в сторону хозяина.

Мурасаки тяжело вздохнула. Ей так хотелось уединиться, забраться в свой излюбленный уголок, о котором не знал никто, даже отец. Возможно, Тамэточи и одобрил бы пристрастие дочери к сочинительству, но та сохраняла свое увлечение в тайне.

Наконец Ною и понурившаяся Мурасаки поравнялись с господином Фудзивара.

— Ты устала от занятий, Мурасаки? — спокойно, но строго спросил отец, на сей раз отказавшись от своей излюбленной фразы о прилежании. — Я вижу, ты утомилась и решила развеяться, пробежавшись по саду.

— Да, отец... — покорно пролепетала девочка и поклонилась.

— Хм... — только и сумел произнести Тамэточи, оглядел дочь.

Он всегда удивлялся, как она могла перевоплощаться из проказницы в образец истинного послушания и смирения, и вдруг подумал: «Ценное качество для придворной дамы, особенно фрейлины из свиты императрицы». Отец еще недавно переживал из-за дерзости дочери, считая, что ее поведение не соответствует статусу, а теперь оказалось, что повода для волнений почти нет.

— Иди и продолжи занятия, — наставительно произнес Тамэточи.

Мурасаки снова поклонилась.

— Как пожелаете, отец, — проворковала она, а затем удалилась вслед за учителем.

Тамэточи проводил ее долгим взглядом, размышляя: «Она вырастет красавицей... Она так похожа на Саюри... Надобно подобрать ей достойного мужа, а до сего момента совершить обряд обручения».

Судьба дочери все чаще беспокоила Тамэточи. В его нынешнем положении, сановника департамента наук в отставке, он не мог рассчитывать на завидного зятя. Увы, судьба нанесла Тамэточи неожиданный удар: покровительствующий ему им-

КРЫЛЬЯ БАБОЧКИ

ператор постригся в монахи и удалился в горную обитель, передав трон своему племяннику (ибо его сын тогда был очень юн). Но и он через два года постригся в монахи и тоже удалился в горную обитель. Племянник передал трон своему кузену, сыну предыдущего императора. И сейчас престол занимал император Итидзё.

Тамэтоки все чаще подумывал над тем, чтобы написать прошение матери-императрице Сэнси, а также Первому министру, с которым состоял в дальнем родстве. По правде говоря, Тамэтоки почти не рассчитывал ни на милость Сэнси, ни на благосклонность родственника, но однажды, пробудившись в час Зайца¹, взял чистый лист рисовой китайской бумаги, обмакнул тонкую кисточку в тушенницу и написал отменной каллиграфией:

Пропадаю к Вашим ногам, о, матерь-императрица!

Я много лет верой и правдой служил Вашему супругу. Ныне он возносит молитвы! Увы, я пребываю в своем имении всеми забытый и с тоской издали созерцаю сорок восемь дозорных костров столицы.

К тому же скончалась моя обожаемая жена Саюри... Я безутешен... Но моя дочь Мурасаки достойна всяческих похвал, ей скоро исполнится четырнадцать — и по всему видно, быть ей красавицей. Она с радостью станет прислуживать у дверей с золотыми петухами².

¹ См. «Японское деление суток» в Глоссарии.

² В иносказательном смысле имеется в виду: прислуживать императрице, быть фрейлиной в императорском дворце.

